

ГИБРИДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЗАЦИИ¹

Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А.

Морозова Елена Васильевна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: morozova_e@inbox.ru

Мирошниченко Инна Валерьевна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: mirinna78@mail.ru

Рябченко Наталья Анатольевна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: rrrnatali@mail.ru

Авторы полагают, что широкое распространение гибридных политических институтов, их разнообразные качественные характеристики ставят на повестку дня вопрос о типологизации политических гибридов. В процессе гибридизации происходит не только воспроизводство базовых свойств «родительских институтов», но и приобретение новых свойств. Интеграция и анализ накопленного эмпирического материала позволили увидеть, сколь различны исходные части, объединяемые гибридами. В статье обосновываются четыре типа гибридных политических институтов. Первый из них характеризуется объединением черт институтов, принадлежащих к двум или более различным идеал-типическим моделям, к нему авторы отнесли гибридные государства и политические режимы. Гибрид второго типа объединяет черты определенного политического института де-юре и другого политического или социального института де-факто, представлен он в статье антиистеблишментскими партиями. Третий и четвертый типы связаны с формированием новой политической реальности — сетевой публичной политики, которая представляет собой незавершенный проект нелинейного развития. Тип третий — это гибридность, обусловленная институционализацией новых акторов публичной политики в online и offline пространствах. Четвертый тип основан на функциональной интеграции различных организационных форм. Гетерархии представляют интеграцию иерархичных и сетевых структур. Перечень рассмотренных авторами типов гибридных политических институтов не является исчерпывающим. В научном осмыслении гибридности современных политических институтов можно выделить две проблемы: поиск адекватной методологии, позволяющей охватить все эмпирические измерения «гибридности» в современной политической реальности, и оценка роли гибридизации политических институтов в трансформации политических систем и про-

¹ Статья подготовлена при выполнении научно-исследовательских работ (НИР) по заданию № 2014/75 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ «Гибридные субъекты публичной политики: стратегии и технологии взаимодействия с государством в условиях новой информационной реальности» (2014–2016), (внутренний шифр №14/54т).

странства публичной политики. Остается открытым вопрос о том, насколько гибридность стала устойчивой и долгосрочной моделью развития современных политических институтов

Ключевые слова: гибридность, гибридные политические институты, нетипичность в политике, гибридные государства, гибридные режимы, партии-гибриды, социальные сети, гетерархии.

Следствием глобализации становится возрастание гетерогенности политического пространства и неоднородности акторов, взаимодействующих в нем. Политологи используют для описания этого процесса атрибуты комплексности, сложносоставности, лиминальности, мозаичности. Использование понятия гибридности в политической науке становится результатом теоретических поисков, позволяющих описывать новые политические реалии, которые возникли в условиях кризисов, «переходности» или столкновения различных социокультурных практик. Фиксируя наличие гибридных, нетипичных политических институтов и выявляя их качественные характеристики, исследователи исходят из разных методологических позиций, которые позволяют им выстраивать объяснительные конструкции. Как правило, часть экспертов к гибридным относит политические институты, которые по своим характеристикам не вписываются в «чистые», идеал-типические категории.

У. Бек, говоря о гибридах, созданных человеком (*man-made hybrids*), имел в виду не только современные риски, но и способы, с помощью которых «гибридное общество» описывает, оценивает и критикует собственную гибридность (Beck, 2007). Гибридные формы мы находим во всех сферах жизнедеятельности современного общества — гибридные пространства, гибридные экономические организации, гибридная идентичность, гибридные войны, гибридные избирательные системы, гибридные суды. Всё чаще мы встречаемся с использованием гибридной методологии в политических исследованиях, хотя авторы обычно употребляют термин «полипарадигмальность». В отечественном научном дискурсе вполне определенно наметилась линия политологического анализа гибридных институтов. В процессе гибридизации происходит не только воспроизводство базовых свойств «родительских институтов», но и приобретение новых свойств. Интеграция и анализ накопленного эмпирического материала позволили увидеть, сколь различны исходные части, объединяемые гибридами, и, что закономерно, поставить задачу типологизации выявленных гибридных политических институтов. Рассмотрим несколько кейсов таких институтов.

*Тип первый: гибрид объединяет черты институтов, принадлежащих к двум или более различным идеал-типическим моделям*². К этому типу относятся гибридные государства и гибридные режимы.

² Идеал-типическая модель – это упрощенная схематическая концептуализация политических феноменов, применяемая в качестве инструмента научного исследования в целях анализа и объяснения, представляющая явление только в абстрактной, или «чистой» форме.

Термин «гибридные государства» появился в политико-правовом тезаурусе, когда возникли нетипичные формы, «не укладывающиеся» в матрицу классификаций. Хрестоматийным примером такого государства стала послефранкистская Испания, назвавшая себя «государством автономий». Это чрезвычайно децентрализованное региональное государство³ только формально остается унитарным. Испанские регионы обладают не только административными, но также и законодательными полномочиями в ряде областей. Местные языки признаны официальными наряду с испанским (кастильским) в границах соответствующих автономных сообществ.

Гибридный характер государства автономий (его иногда называют еще составным государством) проявляется в одновременном сосуществовании унитаристских и федералистских характеристик. За свое более чем 35-летнее существование оно доказало жизнеспособность, уберегло многонациональную страну от дезинтеграции (Хенкин, 2014), но в настоящее время этот баланс подвергается существенным рискам. Прежде всего это сепаратистские устремления Каталонии: правящая элита и значительная часть населения стремятся превратить автономию в новое государство ЕС.

На ноябрь 2014 г. был намечен референдум по вопросу о самоопределении региона. Однако, согласно конституции, автономии не могут проводить референдум без разрешения центра. 27 сентября 2014 г. конституционный суд Испании заморозил подготовку к референдуму по причине его несоответствия конституции страны. Вместо этого в вышеуказанную дату был проведен консультативный опрос по поводу политического будущего Каталонии, не имеющий прямой юридической силы. 9 ноября 2014 г. более 80% участников указанного опроса высказались за политическую независимость Каталонии. После того как конституционный суд Испании признал незаконным проведение референдума о независимости Каталонии, партии, выступающие за независимость региона, заявили, что в случае победы на местных выборах инициируют процесс «обретения независимости» от Испании через решение парламента.

Коалиция «Вместе — “за”» (Junts pel Si), занявшая первое место на прошедших в 2015 г. выборах парламента автономной области Каталония, объявила о намерении в 2017 г. начать процесс отделения от Испании. Министр иностранных дел Испании Хосэ Мануэль Гарсиа-Маргальо назвал ситуацию в Каталонии мятежом. 9 ноября 2015 г. в парламенте Каталонии начались дебаты по проекту резолюции, провозглашающей начало процесса создания независимого государства. Парламент Каталонии большинством голосов принял резолюцию о «начале процесса создания независимого государства с республиканской формой правления». Запланировано, что в случае одобрения документа в течение 18 месяцев будут сформированы госструктуры и разработана конститу-

³ Подробнее о становлении и эволюции испанского государства автономий см.: (Прохоренко, 2010).

ция Каталонии, причём в поддержку документа высказались более половины депутатов, представляющих коалицию политических сил, выступающих за независимость автономии. Конституционный суд Испании в ответ на запрос центрального правительства королевства приостановил действие вышеназванной резолюции парламента Каталонии. До вынесения окончательного вердикта судей любые действия сторонников независимости автономии будут считаться незаконными.

Действующие правовые нормы превращают конфликт между Барселоной и Мадридом в неразрешимый. Между тем данные последних опросов населения Каталонии, проведенных агентством *Metroscoria*, свидетельствуют о том, что половина жителей автономии выступает против ускорения процесса отделения от Испании. Так, 51% опрошенных каталонцев признались, что не поддерживают резолюцию о независимости. Большинство каталонцев хотят, чтобы вопрос о независимости был выдвинут на официальный референдум, признаваемый Мадридом (Федякина, 2015).

Очевидно, что конфликт между центром и одним из регионов «государства автономий» является сложносоставным по своей природе и не имеет простых решений. Политические проявления феномена «неонационализма» сами по себе имеют гибридный характер, поскольку «могут вбирать партии и движения разных политических спектров, этнические, культурные, территориальные и политические, в том числе социально-классовые, идентичности. Сам выбор идейных ориентиров оказывается в этих условиях ситуативным» (Перегудов, Семененко, 2015).

Процесс деволюции в Великобритании в конце XX в. — начале XXI в. привел к появлению явных признаков федерализации государственной жизни, тем самым придав государственному устройству черты гибридности. Под деволюцией понимается процесс постепенного и неуклонного обретения историческими частями Великобритании все более широкого круга политико-управленческих полномочий, расширения сфер их финансово-экономической самостоятельности и культурного самоопределения. Как полагают И. С. Семененко и С. П. Перегудов (Перегудов, Семененко, 2015), референдум о независимости Шотландии в 2014 г. открыл качественно новый этап конституционной реформы. «Взаимодействие между институтами власти Соединенного Королевства и Шотландии стимулирует регионализацию и общий, тяготеющий к федерализму формат политического устройства страны» (Перегудов, Семененко, 2015). Результаты референдума определились следующим образом: 55% против 45%. Шотландия осталась в Соединенном Королевстве. Доводы прагматиков перевесили, «но произошло это отнюдь не случайно, а потому, и только потому, что «за спиной» избирателя была широкая экономическая и политическая автономия Шотландии, в условиях которой пребывание в составе Соединенного Королевства — это для него не минус, а плюс, причем для многих, и особенно

для бизнеса — большой плюс» (Перегудов, Семененко, 2015). Следующей на очереди в проведении политики деволуции, согласно обещаниям британских политиков, должна быть сама Англия. Но модель политико-институциональных трансформаций здесь будет — и это уже очевидно — иной. Локомотивами изменений могут стать крупные города или территориальные кластеры развития, а это создаст новую конфигурацию гибридного государства.

«Гибридность» политических режимов для исследования динамики и трансформаций современных государств стала объяснительной моделью, позволяющей «вместить» в себя все разнообразие стремительно нарастающих эмпирических «девиаций», отличающих функционирование определенных политических режимов от идеал-типических моделей. В типологических схемах исследователей появляются особые формы политических режимов, в определении которых фигурируют определения демократии и авторитаризма с различными прилагательными (Шульман, 2015).

Первый этап изучения гибридных режимов оформляется в рамках объяснительных теорий политической транзитологии (1980–2000 гг.). Эмпирические исследования перехода политических режимов от авторитаризма к демократии в странах Латинской Америки, Азии, Африки и посткоммунистических государствах не подтвердили теоретический тезис о линейности демократического транзита и его однозначном конечном результате — установлении режима «консолидированной демократии». Развивающиеся государства, вне зависимости от их регионального расположения на политической карте мира, стали демонстрировать причудливые комбинации и синтез традиционных, характерных для национальной социокультурной среды, и современных демократических форм политических институтов. Как отмечает И. М. Бусыгина, «режимы многих стран, не оправдав надежд, «застыли» где-то посередине перехода, превратившись в гибридные, то есть сочетающие демократические процедуры и механизмы управления с авторитарными» (Бусыгина, 2013).

Впервые Г. О’Донелл и Ф. Шмиттер, анализируя опыт стран Латинской Америки, предложили гибридные формы политических режимов (O’Donnell, Schmitter, 1986), являющихся субтипами демократии — «диктобланда» и «демократура»⁴. Впоследствии Г. О’Доннелл, используя методологию структурных теорий в объяснении становления и консолидации демократии, вы-

⁴ «Диктобланда» является результатом проведения либерализации без демократизации. В данных условиях правящая элита соглашается на некоторые индивидуальные и гражданские права без подотчетности обществу. Такой режим отдает предпочтение политическому меньшинству, контролирующему значительную часть ресурсов, в ущерб политическому большинству. «Демократура» возникает в результате демократического перехода без проведения либерализации. Это означает, что выборы (при условии, что они вообще проводятся), многопартийность и политическая конкуренция допускаются только в той мере, в какой они не угрожают власти правящей элиты. Фактически политическое участие большинства рассматривается как прямая демонстрация поддержки правящей элиты. См.: (O’Donnell, Schmitter, 1986).

делил и охарактеризовал новый тип гибридного режима — «делегативная демократия»⁵.

На рубеже 2000-х гг., подытоживая развитие традиции «демократия с прилагательными», В. Меркель и А. Круассан предложили концепт «дефектной демократии», в котором на основе шести критериев⁶ устанавливаются два аналитических различия: 1) относится ли демократия к дефектному типу и 2) в зависимости от того, какой из критериев трех фундаментальных измерений конституционно-правовой демократии «поврежден», выявляется подтип дефектной демократии⁷.

С начала 2000-х гг. исследование гибридных режимов основывается на теоретическом положении, что гибридные режимы не являются переходными или амальгамными фазами в процессе демократизации, а оформляются как особые автономные типы политического режима, характеризующиеся специфическими признаками и особой логикой функционирования в достаточно длительный период времени. В противовес теоретическим положениям политической транзитологии, ученые в большей степени относят гибридные политические режимы к семейству авторитаризма, а не к разновидности демократии, несмотря на наличие основных демократических атрибутов (Шнель, 2013). Наибольшее признание в политической науке получили концепты «электорального авторитаризма» (А. Шедлера), «соревновательного авторитаризма» (А. Вэя, С. Левитски)⁸, «псевдодемократии» Л. Даймона⁹ и др. При этом в исследовании гибридных

⁵ Отличительными признаками режима «делегативной демократии» являются: регулярные выборы главы исполнительной власти, который на несколько лет становится высшим толкователем интересов нации; низкий уровень институционализации власти; отсутствие каких-либо ограничений исполнительной власти, кроме неформальных отношений и сроков переизбрания ее главы; наличие гражданских прав и свобод; формальный характер законодательной власти; радикальный характер политики, проводимой общенациональным лидером; отсутствие механизмов согласования интересов; отсутствие горизонтальной подотчетности исполнительной власти (система разделения властей). См.: (О'Донелл, 1997).

⁶ Идентификация конституционно-правовой и дефектной демократии происходит на основании трех фундаментальных критериев – конкуренция, участие и конституционализм, которые дифференцируются на шесть параметров политических режимов: легитимация господства; доступ к господству; монополия на господство; притязания на господство; структура господства; способ осуществления господства. См.: (Меркель, Круассан, 2002).

⁷ Авторы выделяют три типа дефектных демократий: «исключающую демократию», «анклавную демократию» и «нелиберальную демократию». См.: (Меркель, Круассан, 2002).

⁸ Согласно А. Шедлеру, «электоральный авторитаризм» позволяет использовать регулярные процедуры выборов законодательной и исполнительной власти в качестве инструмента легитимации и удержания властных позиций авторитарным руководством государства. Специфика «соревновательного авторитаризма» Вэя - Левитски заключается в том, что в стране проводятся честные, но несправедливые выборы, а статус оппозиции носит открытый конкурентный, но неравный характер, См.: (Шнель, 2013).

⁹ Л. Даймонд, характеризуя «псевдодемократию», отмечает, что в данных гибридных режимах отсутствует институт честного электорального соперничества, способного привести

политических режимов доминируют неоинституциональный подход и теория рационального выбора, позволяющие акцентировать внимание на процедурных параметрах устойчивости/уязвимости/выживаемости современных гибридных автократий.

Важно, что новые эмпирические данные о развитии современных политических режимов в национальных контекстах постоянно обновляются и расширяются, что обуславливает появление новых объяснительных концепций и подходов гибридных политических режимов. В то же время существование и устойчивость современных гибридных политических режимов невозможно объяснить исключительно линейным детерминизмом. Можно согласиться с мнением известного политолога Е. Шульман, что качество функционирования политических институтов в разных национальных контекстах зависит от наполнения их человеческим содержанием, которое может не совпадать с «надписью на вывеске» (Шульман, 2015).

Тип второй: гибрид объединяет черты определенного политического института де-юре и другого политического или социального института де-факто. К данному типу можно, без сомнения, отнести современные антиистеблишментские партии. Партиями-гибридами их назвал С. П. Перегудов (Перегудов, 2014), считая, что они совмещают в себе как партийные, так и групповые функции, реализуя их в рамках своего рода синтеза. Одной из первых таких организаций стало движение «Вперёд, Италия!», созданное С. Берлускони после кризиса Первой республики в Италии на базе клубов болельщиков футбольного клуба «Милан». Из современных гибридных партий выделим партию независимости Соединенного Королевства, движение «Пять звезд» в Италии, испанскую партию «Подemos», пиратские партии в различных странах.

Партия независимости Соединенного Королевства (United Kingdom Independence Party — UKIP) довольно бесцеремонно вторглась в партийно-политическое поле, монополизировавшееся тремя основными партиями британского мейнстрима. Эту партию отличает приверженность ее основного ядра «одной цели», каковой для нее является разрыв Британии с Европейским Союзом и обретение от него «независимости». «Партия клоунов, психов, кексов и сортирных расистов», как называли её недоброжелатели, стала реальной политической силой, с которой традиционным институтам надо выстраивать отношения. На выборах в Европарламент в 2014 г. она стала лидером, получив 29% голосов избирателей.

Итальянское движение «Пять звезд» (M5S) сенсационно получило более четверти голосов избирателей на парламентских выборах 2013 г. Движение, основанное актером-комиком Беппе Грилло и мобилизовавшее читателей его

к отстранению от власти правящей партии или руководства государства, при наличии других конституционных атрибутов электоральной демократии, в том числе и наличии оппозиции в стране. См.: (Шакирова, 2013).

блога, представляет собой популистскую силу, опирающуюся прежде всего на молодежь севера и центра страны. Как отметил Д. Макдонелл (McDonell, 2013), многие избиратели поддержали движение «Пять звезд» только для того, чтобы обозначить «свой окончательный разрыв с партиями мейнстрима».

Партия «Подemos» («Мы можем!») была основана в 2014 г. группой левых активистов и интеллектуалов как политическое крыло движения «Индигнадос» («Возмущённые»). На данный момент является второй по численности и третьей по парламентскому представительству партией страны. Организована на принципах горизонтальной координации, чтобы соответствовать своим требованиям прямой и партисипативной демократии. Формально партия не имеет ни центрального офиса, ни руководства, действуя через своеобразные политические клубы — представительства сторонников движения, объединённые в «круги». Внутренняя жизнь объединения подчиняется законам «электронной демократии» — голосование через интернет за кандидатов на те или иные административные должности, за утверждение предвыборных программ и т.д. Многие испанцы видят в новой партии силу, способную вывести Испанию из кризиса, покончить со «строгой экономией», очистить общественную жизнь государства от прогнившего политического класса — «политической касты», как именуют эту страту сами лидеры «Подemos» во главе с харизматичным молодым политиком Пабло Иглесиасом (Костюк, 2015).

Пиратские партии декларируют своей целью реформу законодательства в области интеллектуальной собственности, патентов, копирайта. Они выступают за свободный некоммерческий обмен информацией и недопустимость его преследования по закону, а также за неприкосновенность частной жизни. В настоящее время 64 такие партии уже созданы или находятся в процессе создания, более 600 000 людей стали участниками этого движения. Наибольших электоральных успехов добились «пираты» в Германии, где они имеют 19 мест в земельных парламентах и 163 места в городских советах (Пиратская партия, 2015). Лидер Пиратской партии Германии М. Вайсбанд разъясняет позицию партии следующим образом: «...Мы называем такую демократию “Liquid” (жидкой), потому что она может каждый день свободно перетекать из представительной в прямую и обратно. Наша внутрипартийная демократия уже сейчас обеспечивается системой, которая называется “LiquidFeedback” (Гринман, 2011).

Гибридные партии превращают политический процесс в своеобразный «политический меланж», совмещая традиционные политические практики с элементами событийного маркетинга, перформанса, эпатажа, которые играют важную роль в мобилизации их сторонников. Возможно, к выявленным С. Рокканом и С. Липсетом расколам (город-село, центр-периферия, государство-церковь, собственники-рабочие) как факторам формирования партийных систем пришло время добавить ещё один — «управляющие-управляемые», в условиях информационного общества дающий стимул развития так называемой «неформальной

политики» и ведущий к институционализации гибридных партий. Последние претендуют на роль силы, стремящейся преодолеть отчуждение между гражданами и выступающими от их имени институтами.

Одним из онтологических оснований современной гибридизации политических институтов является формирование новой политической реальности — сетевой публичной политики, которая представляет собой незавершенный проект нелинейного развития. Именно с ним связаны два типа гибридных политических институтов, рассматриваемых далее в статье. Институциональные, процессуальные и технологические компоненты современной политики приобретают сетевые, синергетические характеристики, «прорастая» поверх рутинных практик традиционной публичной политики. В институциональной среде возникают новые организационные формы и практики разнообразных сетевых структур (новые социальные движения, протестные сообщества, гражданская журналистика, открытое правительство и т.д.), а традиционные политические институты (сетевые политические партии, некоммерческие организации, веб 2.0) под воздействием процессов сетевизации становятся гибридными.

Тип третий: гибридность, обусловленная институционализацией новых акторов публичной политики в online и offline пространствах. В современных условиях публичное пространство не просто расширяется за счет присоединения к традиционной информационно-дискурсивной сфере интернет-пространства, а приобретает иные качественные характеристики. Посредством интернетизации происходит расширение публичного пространства, так как Интернет включает в себя не только сервисные функции информирования и коммуникации, но и социальное окружение, самостоятельно участвующее в потреблении, производстве и распространении контента. Технологические принципы Интернета, такие как отсутствие иерархии, открытость доступа, ориентированность на персональных пользователей, способствуют созданию единого коммуникативного сообщества, представляющего собой сеть без коммуникативных «разрывов». Интеграция пространства Интернета (онлайн-пространства) в публичную сферу и его функциональность для продуцирования делиберативного пространства обусловлены цифровой природой (готовностью и открытостью к изменениям) и сетевым этосом политических коммуникаций. Сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродукции политической сферы, определяя формат политических отношений. Благодаря сетевой коммуникации институционализация политической деятельности разнообразных акторов происходит в двух проекциях: онлайн и оффлайн.

Появление новых практик формальной институционализации сетевых онлайн-сообществ в российской публичной политике тесно связано с формированием и развитием дискурсивных сетей, новых социальных движений, мобилизующих граждан на участие в решении публичных проблем. В ряде случаев неинституционализированные сети мобилизации граждан трансформируются

в постоянно действующие общественные/политические структуры в качестве акторов публичной политики.

Например, протестные движения избирателей в период электорального цикла 2011–2012 гг. стали результатом сетевой самоорганизации многочисленных групп общественности, связанных одной целью — обеспечения соблюдения закона в день голосования. Внутренние ресурсы сетевых сообществ, такие как доступ к сети Интернет, коллективный стиль мышления, неперсонифицированное доверие, опыт социальной навигации и планирования, позволили интегрировать гражданских активистов в координационные сетевые структуры гражданских действий: «Росвыборы» (<http://uik.rosvybory.org/>), «Гражданин наблюдатель» (<http://nabludatel.org/>), «Лига избирателей» (<http://ligaizbirateley.ru/>).

При этом создание сетевых координационных структур проходило по двум сценариям. Первый был основан на следующем алгоритме: сетевая самоорганизация онлайн-сообществ и их мобилизация в качестве гражданских активистов требовали формирования координационного центра («Гражданин наблюдатель», «Наблюдатели Петербурга»). Второй сценарий связан с формированием спроса разрозненных сетевых сообществ гражданских активистов на координацию протестной активности, что позволило сформулировать некоторым общественным лидерам, авторитетным среди сетевой онлайн-общественности, предложения в виде электронных ресурсов, позволяющих объединить деятельность гражданских сетей в ряде проектов («Росвыборы», «Лига избирателей») (Веревкин, 2012). В то же время данные координационные площадки в онлайн-пространстве, несмотря на различные способы возникновения, не только аккумулировали информационные потоки и координировали действия региональных и локальных сетей гражданских активистов, но и согласовывали стратегии деятельности друг с другом, что говорит о формировании единого гражданского движения, образованного сетевым способом.

Протестное движение избирателей, в отличие от других сетей гражданской мобилизации, обусловило создание координационных структур, которые, институционализируясь, находят другие формы гражданской деятельности. Волонтерский проект «Гражданин наблюдатель» превратился в постоянно действующую общественную структуру, которая ведет деятельность по гражданскому образованию и обеспечению законности выборов на региональном и локальном уровнях с помощью общественных наблюдателей. Координационная структура «Наблюдатели Петербурга», прошедшая регистрацию в качестве общественной организации, помимо организации наблюдателей на муниципальных выборах реализует различные гражданские проекты, связанные с осуществлением общественного контроля над деятельностью депутатов регионального парламента и муниципальных представительных органов, в сфере ЖКХ и обустройства города. Деятельность общественной организации «Наблюдатели Петербурга» связана с реализацией общественного контроля

гражданами с целью оценки и корректировки деятельности органов государственной власти и управления, а также органов местного самоуправления в соответствии с общественными интересами. Сетевые координационные структуры «Гражданин наблюдатель» и «Наблюдатели Петербурга» оказались способными выйти из границ мобилизационного уровня движения одной проблемы и осуществили зрелый переход к формальной институционализации сетевых структур в качестве акторов российской публичной политики. Следует отметить и координационные структуры «Росвыборы» и «Лига избирателей», которые были созданы известными политическими и общественными лидерами для координации активности протестных акций избирателей («Белая лента», «За честные выборы!»), но не смогли преодолеть порог зрелости и приостановили свою деятельность.

Таким образом, политическая институционализация сетей мобилизации и самоорганизации граждан в рамках «гибридного формата» стала рассматриваться в экспертном сообществе (Программа Международной научной конференции..., 2012) как фактор формирования полноценного гражданского общества, способного расширить пространство публичной политики и предложить интерактивные каналы взаимодействия власти и граждан в новых информационных условиях.

Тип четвертый: гибридность, основанная на функциональной интеграции различных организационных форм. Изменение механизмов коммуникации и политической институционализации в публичной политике повлияли и на формирование гибридных институциональных форм в системе публичного управления. Так, в современной политико-управленческой практике все чаще стали появляться гибридные организационные формы, отличающиеся от типичных иерархических и рыночных структур. Такие формы получили название «гетерархии»¹⁰. Для гетерархических организационных форм характерна единая система, в которой разнообразные субъекты в рамках динамически изменяющегося баланса коммуникативных отношений взаимодействуют друг с другом. При этом субъекты данной системы могут иметь разнообразные комплексы этосов и векторы развития, в отличие от иерархических структур, где все субъекты системы взаимодействуют в рамках единых для всех формальных правил, оправдывающих ее (систему) как единственно «логичную», «рациональную» и «экономичную» (Hedlund, 1994). По сути гетерархия представляет собой

¹⁰ Данный термин был введен в научный оборот в 1943 г. нейropsychологом и кибернетиком У. Маккаллоком (McCulloch, 1965). Суть его разработок заключалась в создании формальной (математической) модели мозга, образованной по гетерархическому принципу сети нейронов, являющихся элементами процесса логического мышления. Термин «гетерархия» стал пониматься учеными как «распределенное управление» или «нечто целостное, обладающее внутренней разнородностью». В дальнейшем методологическая конструкция была интегрирована в научные сферы биологии, когнитивистики, прикладной математики и программирования, а также в социальные науки.

масштабируемую гибридную организационную форму, структура и функционирование которой определяются распределенным центром управления единой структуры, который является системообразующим.

Такая гибридная сетевая конфигурация дает возможность субъектам различного уровня взаимодействовать в рамках сложных коммуникаций, минуя формальные вертикальные каналы. Как отмечает О. В. Михайлова, «по сути гетерархия — это организационный диссонанс — столкновение разнообразных ценностных моделей, порождающее новые комбинации ресурсов, создающее принципиально новые решения, недоступные вертикально организованным образованиям» (Михайлова, 2014). В едином организационном пространстве в режиме сетевого взаимодействия, не исключающего вертикальные каналы коммуникации, разнообразные акторы приносят в сеть различные типы практик: коммерческие — рыночные отношения, основанные на рациональном выборе; государственные, формализующие отношения в режиме субординации; некоммерческие организации, «культивирующие» в сети принципы кооперации, сотрудничества, основанного на доверии, и партнерства.

В формирующейся реальности сетевой публичной политики, когда традиционные, привычные способы решения проблем не срабатывают, а заимствование «чужого» исторического опыта в решении «родственных» публичных проблем неэффективно, у государства возникает необходимость в поиске оптимальных инновационных решений. Важно, что возможность создания гетерархических организационных форм расширяет адаптивные возможности государства (Чистобродов, 2015) в условиях неопределенности, кризиса, трансформаций, в которых необходим многомерный поиск новых путей развития общества, инновационных идей решения публичных проблем и их имплементация в реальную практику публичного управления.

Для российской специфики характерно инкорпорирование гетерархических структур в вертикаль власти и дальнейшее их развитие как единой структуры, имеющей иерархическую надстроенную часть и сетевую конфигурацию нижнего базового уровня. С практической точки зрения, такая конфигурация гетерархических структур позволяет решить две проблемы эффективного публичного управления. Во-первых, институционализировать и формализовать с точки зрения нормативно-правового регулирования инновационные социальные практики в сфере публичной политики и управления. Во-вторых, позволяет государству адаптироваться к изменениям окружающей среды благодаря существующему в гетерархической структуре пространству коммуникаций неопределенного круга акторов. Механизмы инкорпорирования и, соответственно, модели образования гетерогенных структур в этом случае условно можно разделить на два типа: восходящие и нисходящие.

В нисходящей модели формирования гетерархий государство берет на себя функции создания условий для формирования и проектирования сетевых

структур из среды сетевого гражданского общества для генерации идей по решению публичных проблем и их имплементации в управленческую и социальную практику. Реализация нисходящего механизма в формировании данной модели возможна посредством организации системы открытых данных и технологии краудсорсинга. Примером подобного механизма может служить опыт работы префектуры Зеленограда.

Используя краудсорсинг в конце 2012 — начале 2013 г., префектура Зеленоградского административного округа совместно с компанией «Witology» (Сайт компании «Witology», 2015) запустили краудсорсинговый пилотный проект «Новые пути развития Зеленограда». В ходе реализации проекта были определены четыре направления формирования образа будущего Зеленограда как города социальных инноваций, ведущего научно-технологического центра, удобного для жизни, города и центра промышленного туризма (Участники краудсорсинг-проекта..., 2012). На XIII форуме «Информационные технологии в госсекторе», организованном компанией ANConferences (Сайт компании ANConferences, 2015), начальник отдела информационно-технологического развития префектуры Зеленоградского АО г. Москвы Анна Коробова, выступая с докладом о реализации проекта «Новые пути развития Зеленограда», оценила прямой экономический эффект от использования инструментария краудсорсинг в тридцать часов работы среднего муниципального служащего, такой ресурс был отработан в ходе месячного функционирования проекта (Шпунт, 2013). Помимо этого она отмечает, что для эффективной реализации краудсорсинговых проектов необходима мощная организационная поддержка со стороны властно-управленческих структур и наличие технологических механизмов и инструментов (как троллинг, «накрутка» голосов при голосовании), направленных на уменьшение рисков продвижения популистского решения с долговременными отрицательными эффектами. В целом при правильном планировании краудсорсинговой деятельности положительные эффекты от принятия такого рода решений в публичной сфере превалируют над негативными.

Модель формирования гетерархии, основанная на восходящем механизме, характеризуется тем, что вектор развития гибридной организационной структуры обусловлен инициативами сетевого гражданского общества, направленных к органам власти, что в итоге приводит к их инкорпорированию в систему публичного управления. Актуализация данных процессов связана с факторами, обуславливающими осуществление деятельности органов публичного управления в условиях неопределенности (социально-экономический и политический кризисы, возникновение чрезвычайной ситуации и т.д.). Гетерархии создаются при инициативе государства, которое формирует условие для институционализации самоорганизованного сетевым гражданским обществом структур в гетерархию. При этом государство в новом организационном пространстве выполняет роль «репутационного игрока». В качестве примера, использующего

восходящие механизмы, можно рассмотреть процесс функционирования гетерархии «Блогер против мусора».

В апреле 2011 г. в российском сегменте online-пространства было создано online сетевое сообщество «Блогер против мусора», инициатором которого выступил известный фотограф, бизнесмен, путешественник и блогер Сергей Доля, который опубликовал в Livejournal свои наблюдения по поводу обилия мусора вокруг нас. Публичное сообщение в блоге начиналось со слов: «К сожалению, не все люди в нашей стране приучены не гадить там, где живут. Многие выбрасывают мусор прямо под ноги, в результате чего...», — далее следуют весьма эмоциональные описания заваленных мусором пляжных зон и размышления по поводу «а не взять ли нам все это и привести в порядок!» (История акции..., 2013). Только в течение первых суток на это публичное сообщение появилось более 500 комментариев пользователей online-пространства, выразивших готовность выйти с мешками и перчатками на уборку. По данным рейтинга блогов Рунета, в ноябре 2013 г. Сергей Доля занял топовую позицию в рейтинге блогеров Рунета с числом подписчиков — 25424 пользователя и показателем авторитетности — 497367 пользователя.

Основная идея проекта «Блогер против мусора» заключалась в том, чтобы организовать топ-блогеров по всей стране на уборку территорий от мусора и тем самым привлечь внимание групп online-общественности к этой проблеме. Топ-блогеры выезжали в разные города для освещения акций по уборке мусора: помимо прямых трансляций в online-пространстве топ-блогеры аккумулировали усилия блогеров в регионах, тем самым запуская процесс вовлечения новых участников (журналистов, СМИ) в активную часть проекта — в offline социальное действие (уборку различных территорий от мусора). В роли СМИ выступали и информационные партнеры проекта «Блогер против мусора»: «Йополис», «Москва24», «Риа Новости», «Росфото», «Livejournal», «Журдом», «Форсми», «Артмол», «Мир». Информационные партнеры как участники любого online сетевого сообщества всегда играют особую роль.

После многочисленных репортажей, в особенности репортажей на платформе «Instagram», связанных с наличием огромного числа фотоматериалов, у online сетевого сообщества «Блогер против мусора» появились партнеры и спонсоры — т.е. в него вошли «репутационные игроки». «Репутационными игроками» стали компании «Эльдорадо», «Кока-Кола», «Билайн», «Связной».

В 2013 г. в проекте приняло участие 80 субъектов РФ с общим числом участников более 50 тысяч человек. Хэштег #bloggerprotiv в Twitter вышел в тренды Рунета. Все, кто принимал и примет участие в будущих акциях проекта «Блогер против мусора», нашли друг друга в online-пространстве. В результате проведенных акций уже непосредственно в offline было собрано более 1500 тонн мусора. Параллельно с акциями в offline велась online-трансляция всероссийской акции проекта «Блогер против мусора», что позволило не только отслеживать

в режиме реального времени результаты акций, но и объединить участников из разных географических мест. Сетевая деятельность гражданской инициативы при высоком общественном резонансе привлекла внимание и представителей региональной и местных властей в различных субъектах РФ. Все координаторы проекта в своих отчетах и интервью говорили о том, что в регионах губернаторы и главы муниципальных образований охотно шли на встречу активистам проекта, предлагая объединить усилия в решении важной публичной проблемы. Главы местных администраций в своих аккаунтах в социальных сетях стали размещать фотоотчеты и видеорепортажи «с места событий» об уборке мусора. Присоединение официальных властей к гражданской инициативе, с одной стороны, давало дополнительные организационные и материальные ресурсы сетевой деятельности граждан; с другой — позволяло чиновникам наращивать свой символический капитал за счет «имиджевой чувствительности к актуальным гражданским инициативам». В ряде региональных представительств партии «Единая Россия» посчитали важным присоединиться к сетевому движению. Анализируя результаты функционирования online сетевого сообщества в период с 2012 по 2015 г., можно сказать, что власть постепенно инкорпорирует сетевое сообщество «Блогер против мусора», играя во вновь образуемой структуре роль «репутационного игрока», поддерживая и развивая конструктивные социально-политические практики.

Оба эти механизма (нисходящий и восходящий) продуцируют публичную площадку, на которой происходит либо возникновение гетерархических структур, либо их дальнейшее развитие и функционирование под патронажем какого-либо органа власти. Наиболее эффективными представляются площадки, способствующие формированию модели согласованного взаимодействия в рамках единой организационной среды на основе интеграции результатов нисходящего и восходящего механизмов. Таким образом, возникающие в новой политической реальности сетевой публичной политики гетерархии не только становятся результатом гибридизации политических институтов, но и позволяют институциональной среде государства и гражданского общества адаптироваться к потребностям друг друга в сетевом формате взаимодействия. Это, в свою очередь, позволяет им в рамках партнерской модели взаимодействия на основе стратегии сотрудничества осуществить поиск инновационных способов их решения и имплементации в современную публичную практику.

Перечень рассмотренных типов гибридных политических институтов не является исчерпывающим — он, безусловно, будет расширяться как путем введения иных критериев типологизации (к примеру, жизнестойкость гибридов), так и путем анализа вновь появляющихся форм политических институтов. На взгляд авторов, «коллекция» политических гибридов будет стремительно пополняться по причинам объективного характера: дальнейшее развитие тенденции глокализации политической жизни и, как следствие, усиление гетерогенности

социального и политического пространства; кризис многих традиционных политических институтов и их слабость в поиске ответов на современные вызовы; дальнейшее развитие сетевого общества и утверждение сетевых форматов во всех сферах жизнедеятельности.

В научном осмыслении гибридности современных политических институтов можно выделить две проблемы: поиск адекватной методологии, позволяющей охватить все эмпирические измерения «гибридности» в современной политической реальности, и оценка роли гибридизации политических институтов в трансформации современных политических систем и пространства публичной политики.

Решение проблемы поиска адекватной методологии для исследования гибридных институтов невозможно осуществить в линейном и однозначном формате одного подхода. Изучение «гибридов» возможно только на основе гибридной методологии, в рамках которой в результате конвергенции различных подходов могут быть созданы объяснительные модели, основанные на междисциплинарных аналитических принципах их исследования. Такая методология способна предложить комплексный аналитический инструментарий, дающий возможности для реализации исследовательских задач макро- и микроуровня анализа современной политики, что позволяет одновременно давать объяснения трансформации политических институтов как с точки зрения институционального, так и социокультурного подходов.

В перспективе гибридная методология, ориентированная на осмысление новейших глобальных тенденций, способна выступить интегрирующим началом для создания разнообразных теорий среднего уровня.

Вторая проблема непосредственно связана с оценкой реальной роли гибридных политических институтов в трансформации современных политических систем. Исследование различных типов политических институтов показало, что гибридные институты, возникающие в период различных трансформационных процессов, могут проявлять жизнеспособность в различных условиях, даже при радикальной перестройке институциональной модели политической системы, имея различный по содержанию функциональный потенциал. Одни гибридные политические институты, становясь универсальными в любых национальных условиях, реализуют инновационные функции, позволяющие адаптироваться политической системе к глобальным и национальным вызовам; другие, имитируя реальную деятельность, скрывают реальное содержание политических институтов под фасадом «формальных вывесок», отражая партикулярные потребности политических элит и политического режима. В данном контексте остается открытым вопрос о том, насколько гибридность стала устойчивой и долгосрочной моделью развития современных политических институтов.

Библиографический список

1. Бусыгина, И. М. (2013). Как российский политический режим доказывает свою привлекательность. *Отечественные записки*, 57 (6). Режим доступа <http://www.strana-oz.ru/2013/6/kak-rossiyskiy-politicheskiy-rezhim-dokazyvaet-svoyu-privlekatelnost>
2. Веревкин, А. И. (2012). Сетевые формы электорального протеста в современной России. В Е. В. Морозова, Л. В. Сморгун (ред.) *Сетевые ресурсы и практики в публичной политике: материалы Всерос. конф. молодых политологов* (с. 37–42). Краснодар: Просвещение-Юг.
3. Гринман, Р. (2011). Интервью с политическим руководителем Пиратской партии Германии М. Вайсбанд. *Партнер*, 11 (170). Режим доступа <http://www.partner-inform.de/index.php/partner/detail/2011/11/170/5160>
4. История акции «Блогер против мусора» 2011 (2013). Режим доступа: <http://www.bloggerprotiv.ru/about-move>
5. Костюк, Р. (2015, 1 июня). Испания уходит влево. Страна устала от старых политических партий. *Lenta.ru*. Режим доступа <http://lenta.ru/articles/2015/05/29/spainlefties/>
6. Меркель, В., Круассан, А. (2002). Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I). *Полис*, 1, 7–15.
7. Михайлова, О.В. (2014). *Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики*. (Докторская диссертация). Москва.
8. О'Донелл, Г. (1997). Делегативная демократия. *Пределы власти*, (2–3). Режим доступа <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm>
9. Перегудов, С. П. (2014). Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия. *Полис*, 1, 45–59.
10. Перегудов, С. П., Семененко, И. С. (2015). Референдум о независимости Шотландии и проблемы британской государственности. *Мировая экономика и международные отношения*, 3, 64–75.
11. Пиратская партия (2015). *Википедия — свободная энциклопедия*. Режим доступа https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F
12. Программа Международной научной конференции «Сети в глобальном мире: структурные трансформации в Европе, США и России». Санкт-Петербург, 22–24 июня 2012 г. (2012). Режим доступа http://cp-rapn.ru/system/files/NGW_Full_RUS.pdf
13. Прохоренко, И. Л. (2010). *Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании*. Москва: ИМЭМО РАН.
14. Сайт компании «Witology» (2015). Режим доступа: <http://witology.com>
15. Сайт компании AHConferences (2015). Режим доступа: <http://www.ahconferences.com>
16. Участники краудсорсинг-проекта «Новые пути развития» сформулировали условия реализации образов будущего Зеленограда (2012, 5 декабря). *Zelao.ru*. Режим доступа: <http://www.zelao.ru/13/48/11826-uchastniki-kraudsorsing-proekta-novyie-puti-razvitiya-sformulirovali-usloviya-realizatsii-obrazov-buduschego-zelenograda>.
17. Федякина, А. (2015, 2 ноября). Глава МИД Испании назвал ситуацию в Каталонии мятежом. *Российская газета*. Режим доступа <http://www.rg.ru/2015/11/02/ispania-site-anons.html>

18. Хенкин, С. М. (2014). Испания в тисках системного кризиса. *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития*. Монография: в 2 т. Т. 2. Москва: ИМЭМО РАН.
19. Чистобродов, И. Г. (2015). *Гетерархическая форма государственного управления избирательными процессами в Российской Федерации*. Режим доступа: <http://alrf.msk.ru/journal/publikacii/chistoborodov-ig-geterarhicheskaja-forma-gosudartsvennogo>
20. Шакирова, Э. В. (2013). Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа российской политики. *Исторические, философские, политологические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 32 (6–2), 203–210.
21. Шнель, С. Н. (2013). Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки. *PolitBook*, 4, 126–127.
22. Шпунт, Я. (2013, январь). Краудсорсинг в управлении городом. *Intelligent Enterprise*, 1 (247). Режим доступа: <http://www.iemag.ru/projects/detail.php?ID=27814>
23. Шульман, Е. (2015, 27 октября). Авторитарные режимы: мутанты, бастарды, гибриды... *Стричка.ком*. Режим доступа <http://strichka.com/article/36215844>
24. Beck, U. (2007). Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes. In B. Adam; U. Beck & J. Van Loon (Eds.) *The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory* (pp. 211–230). London: Sage Publications.
25. Hedlund, C.A (1994). Model of Knowledge Management and the N-Form Corporation. *Strategic Management Journal*, 15, 73–90.
26. McCulloch, W. S. (1965). A Hierarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets. In W. S. McCulloch *Embodiments of Mind* (pp. 40–44). Cambridge: MIT Press.
27. McDonell, D. (2013, March 13) Too Much Too Young for Italy's Five-Star Movement? *The Conversation*. Retrieved from <http://theconversation.com/too-much-too-young-for-italys-five-star-movement-12491>
28. O'Donnell, G., Schmitter, P. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press.

Статья поступила в редакцию 12.09.2015.

.....

HYBRID POLITICAL INSTITUTIONS: REVISITING THE ISSUE OF TYPOLOGIZATION

Morozova E. V., Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A.

Morozova Elena Vasilyvna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: morozova_e@inbox.ru.

Miroshnichenko Inna Valeryevna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: mirinna78@mail.ru

Ryabchenko Natalya Anatolyevna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: rrrnatali@mail.ru.

The article is written within the research and development under the statement of the public work No 2014/75 in the sphere of scientific research within the framework of the basic

part of the state statement of work of the RF Ministry of education and science titled “Hybrid Subjects of Public Policy: Strategies and Technologies of Interaction with the state in the Context of a new Information Reality” (2014–2016), (inner code No 14/54т).

In the authors’ opinion the wide spread occurrence of political institutions and their various qualitative characteristics make the issue of the political hybrids typologization urgent. During the hybridization the institutions not only reproduce the basic features of the “parental institutions”, but also acquire new characteristics. Integration and analysis of the empiric material enabled to see how different the initial parts united in the hybrids are. The article substantiates four types of hybrid political institutions. The first of them is characterized by uniting features of institutions belonging to two or more different ideal and typical models; the authors place hybrid states and political regimes here. The second type hybrids combine features of a certain political institution de jure and of another political or social institution de facto, they are presented in the article by antiestablishment parties. The third and fourth types relate to the formation of a new political reality — network public policy, which is an uncompleted project of nonlinear development. The third type is the hybridity, caused by institutionalization of new actors of public policy in online and offline spaces. The fourth type is based on the functional integration of different organizational forms. Heterarchies are an integration of hierarchy and network structures. The list of the hybrid political institutions considered by the authors is not complete. The scientific understanding of the modern political institutions hybridity faces two main problems: search of an adequate methodology enclosing all the empiric measurements of “hybridity” in modern political reality, and estimation of the role of political institutions hybridization in the transformation of political systems and space of the public policy. Whether the hybridity has become a stable and long-term model of development of the modern political institutions is still an open question.

Key words: hybridity, hybrid political institutions, atypicality in politics, hybrid states, hybrid regimes, hybrid parties, social networks, heterarchies.

References

1. Beck, U. (2007). Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes. In B. Adam; U. Beck & J. Van Loon (Eds.) *The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory* (pp. 211–230). London: Sage Publications.
2. Busygina, I. M. (2013). Kak rossiyskiy politicheskiy rezhim dokazyvaet svoyu privlekatel'nost' [As the Russian Political Regime Proves the Appeal]. *Otechestvennye zapiski* [Fatherland Notes], 57 (6). Retrieved from <http://www.strana-oz.ru/2013/6/kak-rossiyskiy-politicheskiy-rezhim-dokazyvaet-svoyu-privlekatelnost>
3. Chistobrodov, I. G. (2015). *Geterarkhicheskaya forma gosudarstvennogo upravleniya izbiratel'nym protsessom v Rossiyskoy Federatsii* [The Geterarchical Form of Public Administration Selective Processes in the Russian Federation]. Retrieved from: <http://alrf.msk.ru/journal/publikacii/chistoborodov-ig-geterarkhicheskaja-forma-gosudartsvennogo>
4. Fedyakina, A. (2015, November 2). Glava MID Ispanii nazval situatsiyu v Katalonii myatezhom [The Foreign Minister of Spain Called a Situation in Catalonia Mutiny]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. Retrieved from <http://www.rg.ru/2015/11/02/ispania-site-anons.html>
5. Grinman, R. (2011). Interv'yū s politicheskim rukovoditelem Piratskoy partii Germanii M. Vaysband [Interview to the Political Leader of the Pirate Party of Germany M. Vaysband]. *Partner*, 11 (170). Retrieved from <http://www.partner-inform.de/index.php/partner/detail/2011/11/170/5160>

6. Hedlund, C.A (1994). Model of Knowledge Management and the N-Form Corporation. *Strategic Management Journal*, 15, 73–90.
7. Istoriya aksii "Blogger protiv musora" 2011 [History of the Stock "The Blogger Against Garbage" 2011] (2013). Retrieved from: <http://www.bloggerprotiv.ru/about-move>
8. Khenkin, S. M. (2014). Ispaniya v tiskakh sistemnogo krizisa. Global'nyy mir: k novym modelyam natsional'nogo i regional'nogo razvitiya [Spain in a Vice of System Crisis. Global World: to New Models of National and Regional Development]. Monograph: In 2 Vol. Vol. 2. Moscow: IMEMO RAN.
9. Kostyuk, R. (2015, June 1). *Ispaniya ukhodit vlevo. Strana ustala ot starykh politicheskikh partiy* [Spain Leaves to the Left. The Country Was Tired of Old Political Parties]. Lenta.ru. Retrieved from <http://lenta.ru/articles/2015/05/29/spainlefties/>
10. McCulloch, W. S. (1965). A Heterarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets. In W. S. McCulloch *Embodiments of Mind* (pp. 40–44). Cambridge: MIT Press.
11. McDonell, D. (2013, March 13) Too Much Too Young for Italy's Five-Star Movement? *The Conversation*. Retrieved from <http://theconversation.com/too-much-too-young-for-italys-five-star-movement-12491>
12. Merkel', V., Kruassan, A. (2002). Formal'nye i neformal'nye instituty v defektnykh demokratiyakh (I) [Formal and Informal Institutes in Defective Democracies (I)]. *Polis*, 1, 7–15.
13. Mikhaylova, O. V. (2014). *Setevaya arkhitektura gosudarstvennogo upravleniya: problemy kontseptualizatsii i praktiki* [Network Architecture of Public Administration: Problems of Conceptualization and Practice]. (Doctoral dissertation). Moscow.
14. O'Donell, G. (1997). Delegativnaya demokratiya. *Predely vlasti* [Delegative Democracy. Limits of the Power], (2–3). Retrieved from <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm>
15. O'Donnell, G., Schmitter, P. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press.
16. Peregudov, S. P. (2014). Partii i gruppy interesov: k novoy modeli vzaimodeystviya [Parties and Groups of Interests: to New Model of Interaction]. *Polis*, 1, 45–59.
17. Peregudov, S. P., Semenenko, I. S. (2015). Referendum o nezavisimosti Shotlandii i problemy britanskoy gosudarstvennosti [Referendum on Independence of Scotland and Problem of the British Statehood]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 3, 64–75.
18. Piratskaya partiya [Pirate Party] (2015). *Vikipediya — svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia — the Free Encyclopedia] Retrieved from https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F
19. Programma Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Seti v global'nom mire: strukturnye transformatsii v Evrope, SShA i Rossii" [The Program of the International Scientific Conference "Networks in the Global World: Structural Transformations in Europe, the USA and Russia"]. Sankt-Peterburg, 2012. June 22–24, (2012). Retrieved from http://cp-rapn.ru/system/files/NGW_Full_RUS.pdf

20. Prokhorenko, I. L. (2010). *Territorial'nye soobshchestva v politicheskom prostranstve sovremennoy Ispanii* [Territorial Communities in Political Space of Modern Spain]. Moscow: IMEMO RAN.
21. Sayt kompanii "Witology" [Site of the Witology] (2015). Retrieved from: <http://witology.com>
22. Sayt kompanii AHConferences [Site of the AHConferences] (2015). Retrieved from: <http://www.ahconferences.com>
23. Shakirova, E. V. (2013). Kontsept gibridnogo politicheskogo rezhima v sovremennoy politologii kak analiticheskaya ramka analiza rossiyskoy politiki [A Concept of a Hybrid Political Regime in Modern Political Science as an Analytical Frame of the Analysis of the Russian Policy]. *Istoricheskie, filosofskie, politologicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Politological and Jurisprudence, Cultural Science and Art Criticism. Questions of the Theory and Practice], 32 (6–2), 203–210.
24. Shnel', S. N. (2013). Novaya volna: mnogoobrazie avtoritarizma v otrazhenii sovremennoy politicheskoy nauki [New Wave: Variety of Authoritarianism in Reflection of Modern Political Science]. *PolitBook*, 4, 126–127.
25. Shpunt, Ya. (2013, January). Kraudsorsing v upravlenii gorodom [Crowdsourcing in Management of the City]. *Intelligent Enterprise*, 1 (247). Retrieved from: <http://www.iemag.ru/projects/detail.php?ID=27814>
26. Shul'man, E. (2015, October 27). Avtoritarnye rezhimy: mutanty, bastardy, gibridy... [Authoritarian Regimes: Mutants, Bastarda, Hybrids...] *Strichka.kom*. Retrieved from <http://strichka.com/article/36215844>
27. Uchastniki kraudsorsing-proekta "Novye puti razvitiya" sformulirovali usloviya realizatsii obrazov budushchego Zelenograda [Participants Crowdsourcing Project "New Ways of Development" Formulated Conditions of Realization of Images of the Future of Zelenograd] (2012, December 5). *Zelao.ru*. Retrieved from: <http://www.zelao.ru/13/48/11826-uchastniki-kraudsorsing-proekta-novyie-puti-razvitiya-sformulirovali-usloviya-realizatsii-obrazov-buduschego-zelenograda>.
28. Verevkin, A. I. (2012). Setevye formy elektoral'nogo protesta v sovremennoy Rossii [Network Forms of an Electoral Protest in Modern Russia]. In E. V. Morozova, L. V. Smorgunov (Eds.) *Setevye resursy i praktiki v publichnoy politike: materialy Vseros. konf. molodykh politologov* [Network Resources and Practicians in Public Policy: Materials of All-Russian Conference of Young Political Scientists] (pp. 37–42). Krasnodar: Prosveshchenie-Yug.